

Р2
п 59

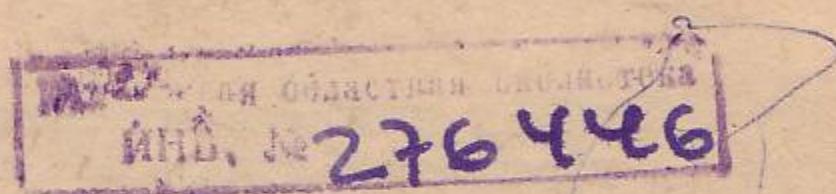
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
КАМЧАТСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА

ДОМ НАРОДНОГО
ТВОРЧЕСТВА

Г. ПОРОТОВ
В. КОСЫГИН

ПЕСНИ АЛНЕЯ

Из цикла
«Встречи в тундре»

%00161260

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
1969

СОДЕРЖАНИЕ

3	Великий Алней
8	Дети тундры
12	Встречи
17	«Нургели»
27	Наши концерты
30	Пс эвенским мотивам

ВЕЛИКИЙ АЛНЕЙ

Зимой 1967 года агитбригада областного управления культуры побывала в пастушеских бригадах, кочующих в необъятной тундре Быстриинского района. Она привезла с собой говорящие письма родных, стихи, песни, танцы. В ответ оленеводы показали свои танцы, спели свои песни. Об этом и рассказывает путевой дневник, который является началом цикла «Встречи в тундре».

Намчатаев М. О.
Б. С. Кулаков

— Перед нами Алней! — радостно воскликнул проводник Владимир Адуканов. Мы прильнули к стеклам иллюминатора нашего МИ-4.

Справа, как громадная яранга, показалась с посеребренной вершиной сопка Алней. Красавец Алней!

Люди Срединного хребта, хозяева быстриинской тундры, издавна связывали свою судьбу с этой величественной и гордой горой — свидетельницей любви и горя, невежества и счастья. Часто у подножия Алнея они устраивали свои самобытные праздники — Нургэнэк.

В тридцатых годах геолог В. С. Кулаков услышал и

Владимир Адуканов.

записал от эвена-старика песню об Алнее и перевел ее на русский язык.

...Молод,
Жил на склонах Алнея,
Веселился.
Это было давно.
Окруженный
Женщинами и девушками
Пою песню
Про снежный Алней.
И про ту,
Которую любил.
Пусть эти женщины
Узнают про дни
Моей молодости.
Когда я брожу по Алнею,
И смотрю на Алней,
Вижу любимую мою...
Любимая манит меня к себе...
Равнинны синеют,
Как шелковые ткани...
Ах, весело весною!
Ветер гуляет
По этим коврам!
Я покидал Алней,
Она провожала меня
До последнего ручья.
Я помахал ей
Белым платком...
Это было в старину...
Пусть молодежь поет
Про наш Алней
И его красавиц.

КРАСАВЕЦ АЛНЕЙ

(Записано с настава Мандятова)

The musical score consists of six staves of handwritten notation on five-line staves. The first two staves are labeled '1ое НАЧАЛО' and '2ое НАЧАЛО'. The third staff is labeled 'Андантé' and '(M) (M)'. The fourth staff is labeled 'ПЛАЧ-ПЕСНЯ'. The fifth and sixth staves are continuations of the melody.

Услышим ли мы эту песню сейчас, через сорок лет?
Ведь мы летим по ее следу.

Вертолет приземляется около яранги бригады № 11.
Нас встречают пастухи во главе с бригадиром Павлом
Михайловичем Ичангой. Чумработница Ирина Степа-
новна Ичанга угождает нас чаем.

Непринужденно течет беседа. Но вот наш ведущий
Алексей Лахтой ударяет по бубну.

— Айя! Айя! Хорошо! Красиво! — раздаются взгла-
сы хозяев.

После концерта мы просим дедушку Мандятова спеть
какую-нибудь старинную эвенскую песню. Немного по-
думав, он запел. Все умолкли. Глаза пастухов светились
радостью. Взволнованность передалась и нам.

Боясь, что мы не поймем его пения, дед остановился.

— Это пою я о красивых девушках. Пою о своей мо-
лодости!

И дед снова запел. Что-то далекое и родное пробуж-
дала в нем и его друзьях эта песня. Окончив петь, он
повернулся лицом к сопке-красавице и, возбужденный,
произнес:

— Это наша старинная песня, она родилась тут, у
Алнея! Люди Алнея много знают песен, умеют хорошо
плясать...

И дедушка был прав: люди Алнея дарили нам много
песен.

ДЕТИ ТУНДРЫ

...Здесь воздух чист,
И словно льдинка в блюдце,
Звенит в сугробах
Горный Уксичан.
Здесь можно от восторга
захлебнуться...

Его называют маленькой Швейцарией. И это отчасти верно. Но местные жители уверены, что нет на свете прекраснее Эссо. Село окружает со всех сторон горы — строгие, не тронутые временем. Поэтому с высоты птичьего полета Эссо похоже на дивно расписанное

дно блюдца. Вечера здесь морозные, ядреные, без ветерка, с инеем на разлапистых деревьях.

Мы спешим в школу-интернат. Мы знаем — нас ждут. Занятия в интернате кончились. Когда мы вошли, нас окружили дети. Магнитофон не был для них в диковинку, но говорящие письма...

А потом каждый захотел передать матери или отцу привет и непременно с песней. Вот у микрофона самые смелые и первые — сестры Светлана и Вика и их младший брат Эдик Банакановы. Они рассказывают родным, как им хорошо жить в интернате, что у них скоро будут каникулы, поздравляют своих родных с Новым годом и на прощание все трое поют песню «Солнечный круг».

Витя Адуканов летом пас оленей вместе со своим дядей Тоннэ Вивиком и тетей Дашей. У этого маленького пастуха тоже болит сердце за стадо:

— Желаю вам, — говорит он, — благополучно перейти через реку Камчатку.

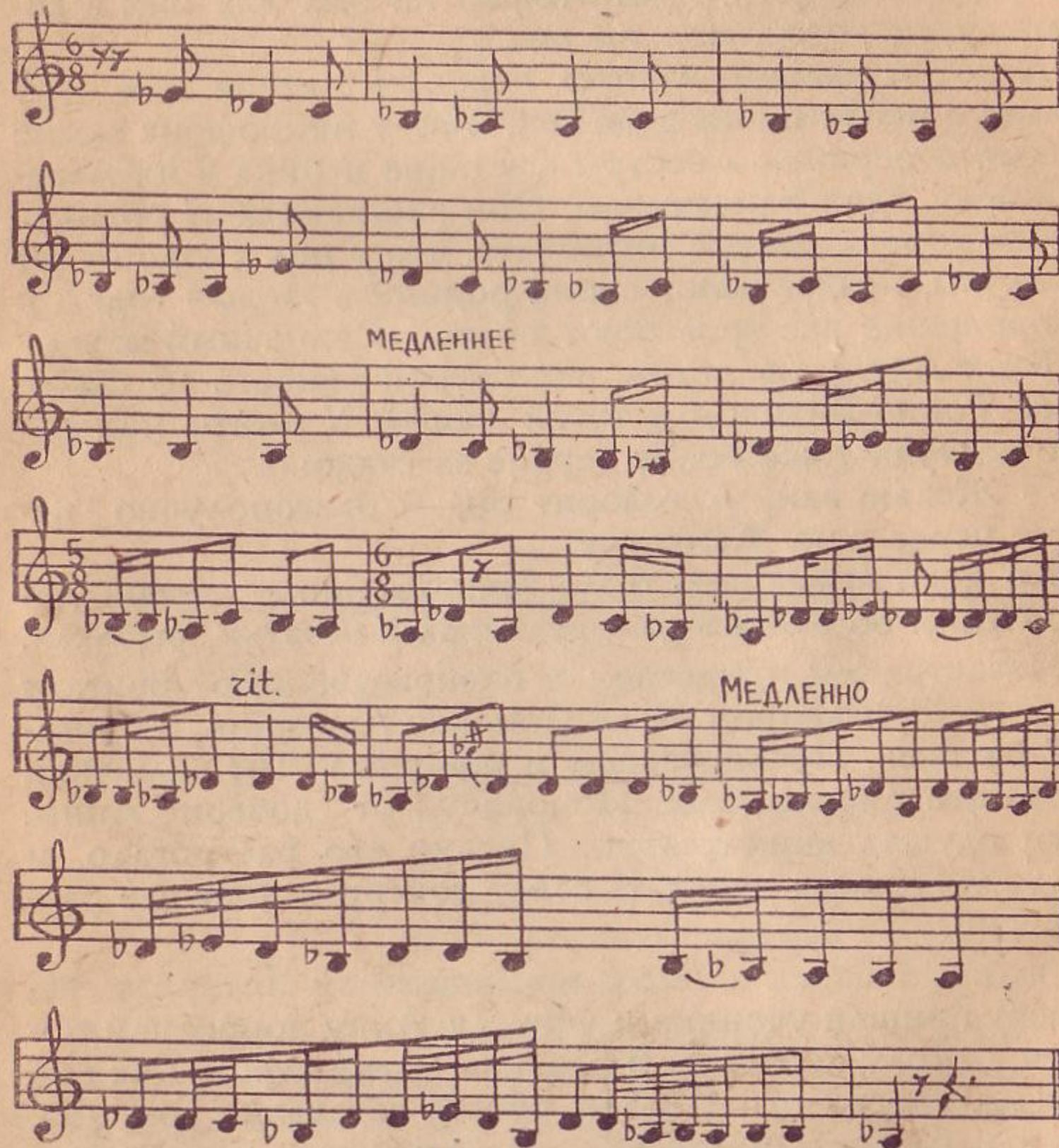
Ко всем «письмам» было приложение — песни детей. Песни об оленеводах, вулканах Камчатки, рыбаках.

Назавтра мы прилетаем в оленеводческую бригаду № 15, где бригадиром Илья Ионович Адуканов. В бригаде 7 человек. После беседы и концерта мы включили говорящее письмо Илье Ионовичу от дочери Анны. Отец слушал внимательно. Письмо его растрогало, и он тут же просит передать ответ дочери и поет две своих песни.

Возвратившись в Эссо, мы навестили интернат. На встречу пришли ученики и учителя. Анну попросили подойти к столу поближе. Включили магнитофон. Как она слушала своего отца! Затем ребята задавали вопросы, просили нас петь и плясать. Заведующая интернатом Тамара Алексеевна рассказала о работе воспитателей с

Родословная

(Записано с напева Ильи Адуканова)

детьми оленеводов, просила сказать родителям: пусть не беспокоятся.

С каким волнением родители слушали наши записи: пожелания, рассказы и песни детей. Ответные письма пастухи тоже всегда заканчивали песней. Может быть поэтому нам удалось записать много неизвестных мелодий.

Встречи с детьми не прекращались до самого окончания нашей поездки. В канун Нового года ребята подготовили для своих родителей большой концерт, с которым и приехали в Анавгай на совещание оленеводов.

Вспомнилась нам прочитанная в архиве статья из «Камчатской правды» за 18 марта 1934 года, называлась она «Тюха-Матюха». «В 1932 году ламуты впервые увидели кино, а нынче впервые присутствовали на спектакле, инициатор и устроитель — Быстринская районная изба-читальня. У нее большой, вмещающий до 150 человек, зрительный зал (арендуемый у школы), прекрасно оборудованная сцена, крепко сколоченный драмкружок и твердое календарное расписание вечеров самодеятельности и культурного отдыха. Клуб начал работать с 7 ноября и за это время уже дал шесть постановок. И не было еще случая, чтобы кто-либо из националов оставался в юрте. Все спешили на «Тюху-Матюху». (Так окрестили школьники этот спектакль)».

И сейчас школьники в Эссо верны традициям своих отцов, начавших развивать культуру тридцать с лишним лет назад. Их замечательный концерт в Анавгае — подтверждение этому.

ВСТРЕЧИ

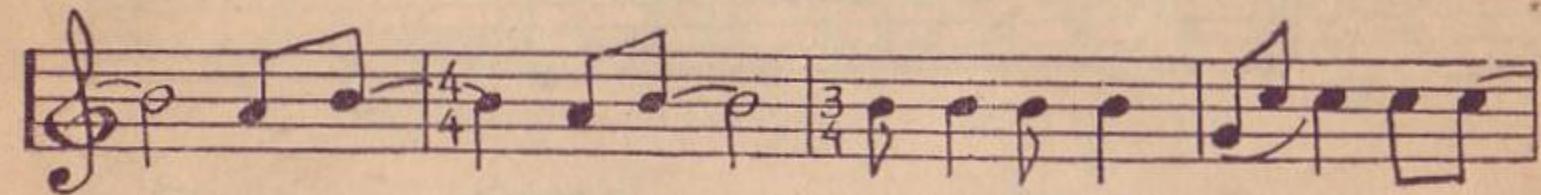
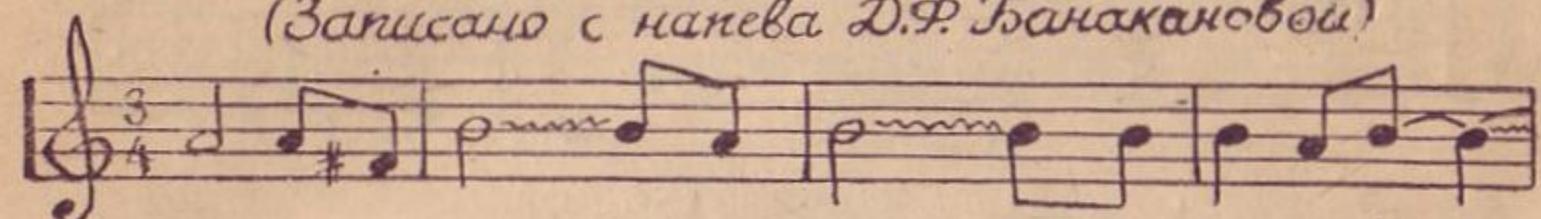
Каждый день приносил нам много интересных встреч. В Анавгае мы слушали и записывали песню 60-летней охотницы Ани-си Ефимовны Димкановой. Она пела нам о том, как удачно промышляла, а теперь едет в Эссо сдавать пушину. Пела, шкурками поигрывала и приплясывала.

На другой день нас ждал еще один сюрприз. В олениводческой бригаде № 8, где бригадиром Ион Афанасьевич Черканов, после концерта и говорящего письма к нам обращается бабушка, 70-летняя Мария Саввовна Черканова, с просьбой передать наказы внучке в Эссо:

Протяжная

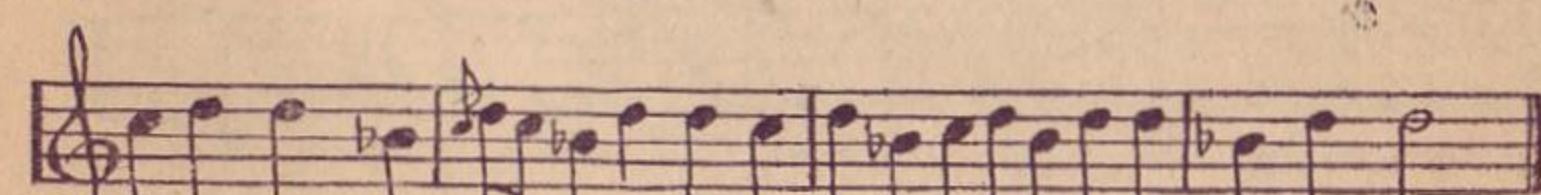
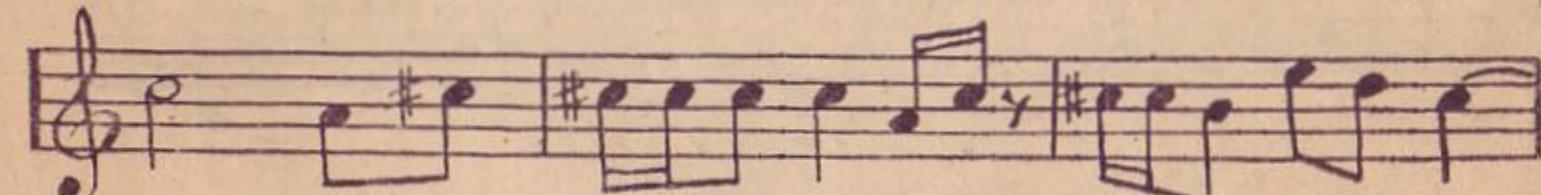
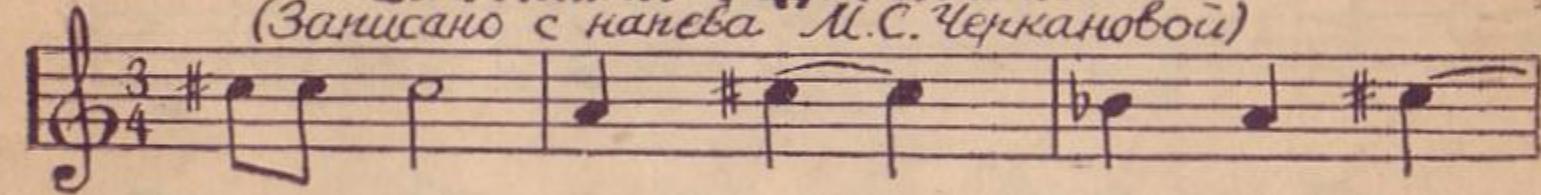
ПЕСНЯ-ПРИВЕТ ДЕТЯМ

(Записано с напева Д.Ф. Банакановой)

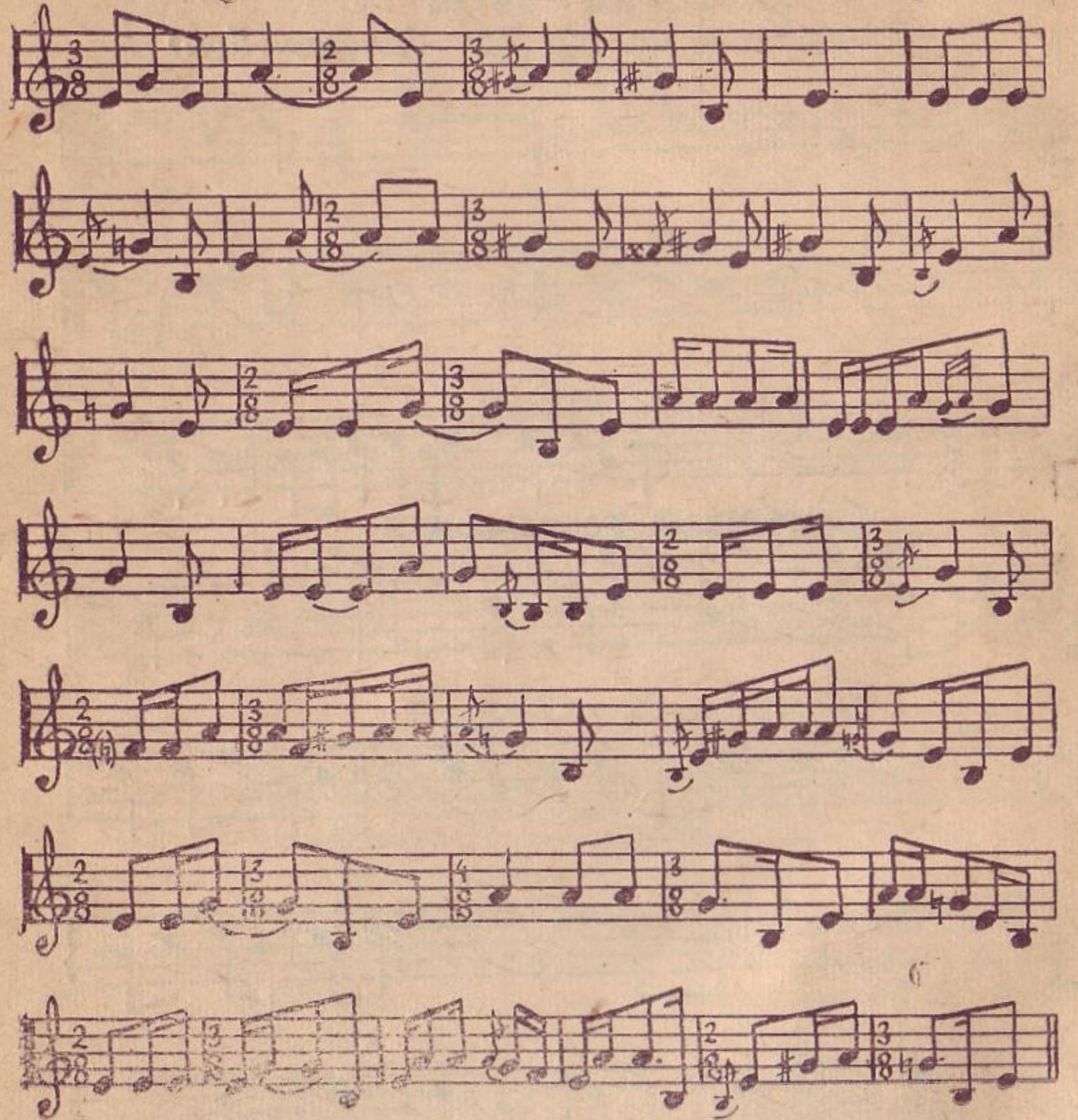
Старинная родословная

(Записано с напева М.С. Черкановой)

ЭВЕНСКАЯ ПЕСНЯ

Записано с напева Д. В. Тылкановой

— Учись хорошо, Сима Ионовна! — кричит она в микрофон, потом говорит: «Может, песню спою и спляшу старинную нашу Нургели. Правда, ноги совсем не пляшут, больные, только руки да голос остался. Это привет моей внучке Симе Ионовне. Пусть песня ей останется, когда меня совсем не будет.

Именно от Марии Саввовны мы впервые услышали стариное эвенкское «Нургели». После пения мы проиграли бабушке запись. Она проплясала, сидя, под эту мелодию. Удовлетворенно закончила:

— Все правильно говорит ящик, совсем как я, не врет...

Потом она спела песню рода Черкановых. Мария Саввовна передает свое сокровище будущему поколению...

Скала-человек,
Расступись!
Обнажи свою грудь,
Очень хочется мне
В грудь твою
Заглянуть!
Ты зачем взяла сына,
У матери сына?
Слышишь плач ее,
Песню. Слышишь?!

В шестом табуне Быстринского совхоза мы встретили очень добрую, умудренную жизнью пожилую женщину Дарью Васильевну Тылканову. Она радушно приняла нас у родного тундрового очага, охотно рассказала о своей жизни, плясала с нами и пела. Когда мы попросили ее спеть свою песню, она долго не решалась, но потом взяла в руки микрофон. Дарья Васильевна нача-

ла пение с традиционного «Нургели». Но вот песня-танец оборвалась, и мы услышали волнующий рассказ — песню-плач матери:

«Был любимый сын, учился, думал стать смелым охотником и хорошим пастухом. Был в армии. Вернулся в родные края...».

Мелодия смешалась с рыданием. Печаль передалась и нам. Мы стали утешать ее, просили не петь, но безуздерожно было невыплаканное материнское горе, и Дарья Васильевна продолжала:

— Любимый сын ушел в горы и не вернулся...

Но вот она спела и преобразилась. Видно, не хотелось ей опечаливать нас. Володя Косыгин снимает свой красный шарф и покрывает ее плечи.

Наша «летающая яранга» делает прощальный круг над палаткой, и мы видим, как внизу нам машут красным шарфом.

«НУРГЕЛИ»

Об эвенской песне-танце «Нургели» мы слышали еще в Корякском национальном округе, но до сих пор его не приходилось видеть.

Более века назад, гонимые нуждой и непомерными ясачными сборами, покинув бассейны Индигирки и Колымы, на камчатскую землю вступили эвены. Боясь воинственных племен чукчей и коряков, они ушли в безлюдные и горные места полуострова, заняв Срединный хребет и западный берег.

Позже эвены пришли в Петропавловск и рассказали губернатору Завойко, что обосновались около Большего

рецка и довольны своей новой родиной. Но даже вдали от своих единоплеменников, в окружении неродственных племен, камчатские эвены сумели сохранить и пронести через столетия свое национальное искусство.

Тридцать три года назад художник-топограф экспедиции Академии наук СССР Шванг в беседе с корреспондентом газеты «Камчатская правда» говорил:

— Глубоко врезался мне в память обычай приема гостей местным населением — ороочонами (самоназвание эвенов), которые оказались очень гостеприимными и добрыми людьми и неплохими руководителями своего хозяйства.

После обычных церемоний с угощениями, ороочоны устраивали в одной из юрт национальные танцы, основным из которых «Нургели», в котором должны были участвовать и мы — гости. Отказ был равносителен оскорблению, и нам волей-неволей приходилось принимать участие в этой своеобразной физкультурной зарядке. («Камчатская правда», 28 октября 1934 г. № 249).

Подобная картина произошла и с нами. Мы давали концерт в одной из бригад. Во время исполнения ительменского танца «Бакию» Алексеем Лахтоем в пляс пустилась 60-летняя Наталья Михайловна Мандярова. Сначала она плясала под «Бакию», а потом стала плясать свое «Нургели», поочередно вызывая на круг каждого. А когда кто-либо из наших кончал плясать, она радостно восклицала: — Победила! Совсем мало пляшете! У нас пляшут с утра до вечера и с вечера до утра!

А мы, честно говоря, уставали. Бабушка пояснила, что танец «Нургели» поют и танцуют не только парами, но и группами в 4 и более человек, что этот танец общего веселья у эвенов называется «Норгынэк». Однако мы слышали и другие толкования названия танца

«Нургели». Так, бригадир бригады № 9 Дыгдычев П. И. говорил нам, что «Нургели» произошло от подражания хоркания оленятам (радостный зов).

Нам было жаль, что эвенское «Нургели» до сих пор не показано в сценической обработке. А ведь его заимствовали все малые народности Камчатки: ительмены, чукчи, коряки.

Так, в 1957 году на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве двое юношей-ительменов Яков Жирков, Семен Трапезников за исполнение ительменского танца «Норгали» получили золотые медали лауреатов.

Летом 1960 года, накануне 30-летия Корякского национального округа, в клубе колхоза «Путь Ильича» в Палане в программу концерта впервые был включен сценический корякский танец «Норгали» в постановке ныне заслуженных работников культуры Татьяны Федоровны Петровой-Бытовой и Татьяны Петровны Лукашкой. Постановщики и участники были взволнованы:

— Примут ли этот танец земляки?!

До этого он исполнялся лишь отдельными лицами — танцорами у домашнего очага — и был посвящен культу того или иного праздника — «Встрече солнца», «Нерпам», «Рождению олененка» и т. д. Но опасения были напрасны. Когда танец достиг кульминации, зрители повскакивали со своих мест и стали плясать корякское «Норгали» вместе с участниками концерта. Танец выдержал первый экзамен и получил право на сценическую жизнь.

В марте 1963 года на зональной творческой конференции в Хабаровске корякское «Норгали» получает наивысшую оценку у зрителей и жюри, а в 1965 году на

зональном смотре сельской художественной самодеятельности во время исполнения корякского «Норгали» зал встал и восторженно скандировал:

— Коряки молодцы! Молодцы!

На второй день в краевой газете «Тихоокеанская звезда» члены жюри Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности давали оценку коллективам конкурсного показа по Дальневосточной зоне.

«...Мы увидели в ярком, сконцентрированном сценическом зрелище, какой действительно прекрасный, действительно талантливый, здоровый, светлый и добрый народ живет на огромных просторах Дальнего Востока России. Мы увидели его настоящую духовную красоту, настоящую одаренность, настоящее чувство извечной, естественной тяги к добруму и прекрасному. А настоящее на сцене — всегда волнует и захватывает тех, кто в зале...

И все-таки: кто был лучше?

Не боясь упрека в пристрастности, можно признать: национальный корякский ансамбль Камчатка вообще выступала много и интересно, но лучшими были коряки...»

Ансамбль корякского танца удостаивается звания лауреата Всероссийского смотра и едет в Москву.

*
* *

Прошло немного времени, и от рабочего станкостроительного завода г. Челябинска Н. Белова на имя редакции окружной газеты пришло письмо. Он писал:

«...Однажды я и мои товарищи поехали в центр города, чтобы лучше познакомиться с достопримечательностями индустриального центра. Наше путешествие

по родному городу завершилось посещением кинотеатра хроникально-документальных фильмов. На кинопленку попал и ансамбль Корякского округа.

Особенно нам понравилось исполнение национального танца народов Севера «Норгали».

А сколько мастеров танца мы видели в тундре! Перед каждым выступлением мы очень волновались: ведь здесь были те, у кого мы учились и учимся народному искусству!

НОРГАЛИ

(Записано с напева М.С. Чуркаевой)

ОЧЕНЬ ЭНЕРГИЧНО

The musical score consists of seven staves of handwritten notation. The first six staves are in 2/4 time, while the seventh staff begins in 2/4 and ends in 4/4. The notation uses vertical stems with diagonal strokes indicating pitch and rhythm. The key signature changes from G major (no sharps or flats) to F major (one sharp) across the staves. Measure lines are present between the staves, and a measure repeat sign with '(4)' is located between the fourth and fifth staves.